КРУГЛЫЙ СТОЛ

УДК 373; 378б 37.014.3

КАЧЕСТВО ОБРАЗОВАНИЯ: КУДА МЫ ДВИЖЕМСЯ?

Обсуждалось качество школьного и высшего образования в России, возможности его объективной оценки, современное состояние и направления развития и перспективы. Участники обсуждения отмечали отсутствие однозначных критериев оценки и такие проблемы, как невостребованность со стороны государства и работодателей; неясность целей перманентной образовательной реформы, а также попытки формального приближения российской образовательной структуры к западным образцам при отсутствии «западных условий».

В обсуждении участвовали: Н.И. Ваганова, В.В. Глинский, О.А. Донских, С.П. Исаков, Л.А. Каменщикова, К.М. Курленя, Н.И. Макарова, Н.Л. Чубыкина, Л.Л. Штуден, Н.П. Юсупова, а также Г.А. Антипов, Л.Н. Ердаков, И.В. Мелик-Гайказян, В.А. Томсинов.

Ключевые слова: качество образования, требования к образованию, ЕГЭ, реформа образования, культура.

12 октября 2011 г. в Областной научной библиотеке (Новосибирск) прошел круглый стол на тему «Качество образования: куда мы движемся?»

К обсуждению были предложены следующие вопросы.

1. Соответствует ли реальной действительности общее впечатление падения уровня и качества образования?
2. Возможна ли формальная оценка качества образования?
3. Можно ли говорить о качестве образования вообще или необходимо рассматривать отдельные сферы и направления?
4. Отличаются ли критерии оценки качества образования применительно к общему и профессиональному образованию, естественно-научному, гуманитарному и инженерному образованию?

В работе круглого стола участвовали члены редакционной коллегии и редакционного совета: **Олег Альбертович Донских**, доктор философских наук, профессор; **Владимир Васильевич Глинский**, доктор экономических наук, профессор; **Константин Михайлович Курленя**, доктор искусствоведения, профессор; **Лев Леонидович Штуден**, доктор культурологии; **Нина Ильинична Макарова,** кандидат искусствоведения, доцент; **Наталья Леонидовна Чубыкина**; **Сергей Петрович Исаков**.

Приглашенные гости: **Наталия Петровна Юсупова,** начальник управления лицензирования, аккредитации, контроля и надзора Министерства образования, науки и инновационной политики Новосибирской области; **Надежда Ивановна Ваганова,** на-

чальник отдела аккредитации Министерства образования, науки и инновационной политики Новосибирской области; **Людмила Алексеевна Каменщикова,** кандидат исторических наук, профессор, зав. кафедрой управления образованием Новосибирского ИПКиРО.

Также на вопросы ответили: **Георгий Александрович Антипов,** доктор философских наук, профессор СибАГС, член редколлегии журнала «ИиИ»; **Лев Николаевич Ердаков**, доктор биологических наук, профессор НГПУ; **Ирина Вигеновна Мелик-Гайказян**, доктор философских наук, профессор, член редсовета журнала «ИиИ»; **Владимир Алексеевич Томсинов**, доктор юридических наук, профессор, зав кафедрой истории государств и права юрид. ф-та МГУ им. М.В. Ломоносова.

Олег Альбертович Донских. Этот круглый стол для нас является очень важным, поскольку заявленная проблема волнует все общество, и я благодарю за участие всех присутствующих.

Я бы хотел начать обсуждение с того, как я вижу основную проблему. Это касается в первую очередь школьного образования. Общий объем знаний, который дает школа, не так уж изменился по сравнению с советским периодом, но поражает чудовищное несоответствие между тем, что давалось на протяжении одиннадцати лет, и тем, что знают выпускники. Понятно, что они не могут помнить всего, что им давали, но когда они не знают самых крупных наших писателей и поэтов, самых элементарных вещей в области истории, которые должен знать живущий в этой стране. У меня был случай, когда порядка десяти студентов не могли вспомнить, когда была Октябрьская революция. Когда вступаешь в такого рода диалоги, возникает вопрос, а что они делали одиннадцать лет?

Может быть, они знают какие-то другие вещи? Я вижу только один предмет, в котором наблюдается реальное изменение к лучшему: иностранный язык сейчас знают существенно лучше, чем тогда, когда мы его учили. В университете я читаю на третьем курсе на английском языке историю западных цивилизаций, и ребята мне отвечают на английском. Конечно, мне приходится какие-то вещи переводить, но они меня понимают. Я убежден, что поколением раньше это было бы невозможно.

Я думаю, это связано с тем, что у них потерялся мотив учиться. Вот то, что хотелось бы сказать в качестве вступления. Может быть, Вы, Наталья Петровна, продолжите?

Наталия Петровна Юсупова. Попробую. Не думаю, что выводы, которые сделал Олег Альбертович, на самом деле соответствуют сегодняшней реальности, потому что сейчас очень сильно поменялась образовательная парадигма. В советской школе были типовые программы, были единые требования к результатам освоения программ. Была итоговая аттестация; по сути, внутренняя, внутришкольная, но оценка качества подготовки обучающихся осуществлялась системно и практически по всем предметам. Вероятно, та система, с жестким контролем по каждому предмету, давала свои результаты.

Второе. Вспомните, на что была нацелена система образования в советское время. Это сумма обязательных знаний по ряду предметов. На сегодняшний день, мне кажется, сложно сопоставлять результаты той, советской, школы и результаты новой шко-

лы. Задача современной школы – не выдать сумму знаний по ряду предметов, а научить добывать эти знания, научить учиться. Акцент сделан на развитие каждого обучающегося. Это то, что должно быть в идеале. Насколько это получается? Чтобы обучать по индивидуальным образовательным программам, учитывая особенности каждого ребенка, его способности, каждый преподаватель должен быть большим мастером. А у нас на сегодняшний день только в Новосибирской области около тридцати тысяч учителей, и они разные, с разной квалификацией, с разной подготовкой, и, естественно, показывают разное качество работы.

Что еще отразилось на качестве подготовки выпускников? Мы перешли на независимую итоговую аттестацию в форме ЕГЭ, но сейчас обязательна аттестация только по двум предметам. Это русский язык и математика. Все остальные предметы подлежат аттестации по желанию учащегося в том объеме предметов, которые он сам выбирает. Он может сдать только русский язык и математику, причем на минимальном уровне – сейчас около 30 баллов – и получить аттестат. То есть нет уже той обязательности итоговой аттестации, которая заставляла и учеников, и их родителей стремиться освоить хотя бы те знания, которые необходимы для экзамена. Эти новые процедуры способствуют тому, что качество подготовки выпускников ослаблено. К тому же, если раньше учились по типовым программам и осваивали одно содержание образования, то сегодня образовательные учреждения, начиная с 5-го класса, не говоря уже о старшей ступени, могут ввести специализацию. И это тоже очень сказывается на результатах обучения. Мы часто сетуем на низкие результаты в ряде образовательных учреждений, в ряде районов, по ряду предметов. Но многие лицеи, гимназии, ряд сильных школ Новосибирска дают очень хорошее качество подготовки. Это тоже очевидно по результатам ЕГЭ. Наши стобалльники, которых в Новосибирской области немало, побеждают в олимпиадах и на конкурсах, легко поступают и прекрасно учатся, в том числе и в аспирантурах. Так что в целом говорить о том, что качество образования упало, некорректно, потому что нет таких исследований и нет тех параметров, которые мы могли бы сейчас сопоставить и сказать, когда результаты были лучше; сейчас результаты *другие.*

Надежда Ивановна Ваганова. Когда мы слышим от вузов, что качество подготовки выпускников после школы слабоватое, мы понимаем, что раньше эта позиция не так остро стояла еще и потому, что в вузы шел гораздо меньший процент выпускников. Десять лет назад это было 20 % обучающихся, максимум 40 %. Сейчас это 80–90 % выпускников городских школ. А все дети не могут великолепно знать все, и это сильно влияет на качество. Не все могут получать высшее образование. Не каждый к этому готов, и не у каждого есть внутренний запас знаний. Да, по отдельным предметам подготовка стала выше. Тот же иностранный язык, его изучают теперь со второго класса и, расширяя содержание, нагружая ученика, что мы тоже осуждаем иногда, мы все-таки добились лучшего положения.

Хотя мотивация, я думаю, играет здесь даже большую роль, чем увеличение содержания. Вот сейчас мы коснулись итоговой аттестации. Любая школа выложится; русский и математику сдадут все, даже самые слабые школы. Но ведь остальные предметы не менее важны. Изобразительное искусство, литература, история – это тоже очень

важно для развития человека, а не только тот багаж знаний, который ему дальше поможет учиться в вузе.

Константин Михайлович Курленя. Я оцениваю обсуждаемую сегодня проблематику, исходя из своего практического опыта, как ректор консерватории. Консерваторский студенческий контингент – это специально отобранные, одаренные и хорошо мотивированные на получение своей профессии люди. Поэтому к ним предъявляются совершенно другие требования, чем в вузах, куда принимают лишь по результатам ЕГЭ. Наша профессиональная действительность такова, что в ней можно только быть или не быть профессионалом, для чего необходимо постоянно демонстрировать уровень собственного мастерства. Просто получить диплом и делать вид, что ты что-то умеешь, здесь не получается, повторю: необходимо постоянно своими руками, голосом, интеллектом публично подтверждать личный профессиональный статус. Ежегодно мы принимаем 101 человека, а выпускается от 65 до 75, т. е. треть поступивших за время обучения отчисляются из вуза по разным причинам, в том числе и за академическую неуспеваемость. Вот такой отбор. Я считаю, это нормально, только таким образом в нашей сфере можно обеспечить подлинное качество образования. Не случайно в консерватории нет центра по обеспечению занятости выпускников, наподобие тех, что в последние годы лихорадочно насаждают в университетах по всей стране. Потому что наши студенты самостоятельно добиваются, чтобы после обучения их взяли играть в определенном оркестре, петь в определенных оперных театрах. Вот так я представлю себе реальное качество конечного продукта, т. е. выпускаемого специалиста, как бы он ни назывался. И, поверьте, это довольно далеко от современных игр в менеджмент качества, главная цель которых сформулировать требования к условиям предоставления образовательных услуг. Конечно, условия, в которых осуществляется образовательный процесс, важны, никто этого не отрицает. Но и все сводить к ним – это неприкрытое лукавство, тем более если при этом замалчивается более чем столетний опыт накопления образовательных технологий и традиций российского профессионального художественного образования. За бурным внедрением менеджмента качества прячется другое: осознание архитекторами реформы образования того, что школой и вузами последовательно утрачивается способность научить, то есть сформировать конечный продукт – специалиста с заданными компетенциями, знаниями и умениями.

На заре реформы российского образования, бурно протекающей сегодня, министр образования г-н Филиппов говорил, что главная цель реформирования средней школы – изменить основные параметры и алгоритмы обучения, и в первую очередь пересмотреть планку требований к обучающимся, а значит, и к учителям, и к качеству обучения. Планка советской средней школы всегда ориентировалась на лучших, на высшие достижения. А тут сознательно был выбран ориентир на середняка. Прямо так и было сказано: уровень требований к итоговой государственной аттестации в форме только еще проектируемого тогда ЕГЭ – задать средний уровень, глубину освоения программ при этом – тоже, соответственно, «усреднить», но, как ни парадоксально, каким-то образом создать условия для улучшения качества освоения этих более скромных образовательных требова-

ний. Но ведь если понижается планка – деградирует вся система, это неизбежно.

Причем началось это еще в советской школе. Вот я пошел в школу в 1967 году и, наверное, мое поколение последним обучалось математике по авторскому варианту учебника академика Колмогорова, который назывался «Алгебра и начала анализа». Учебник это был замечателен не только тем, что сумма преподносимых им знаний была весьма внушительна. Культура мышления, умение разбираться в процессах, обнаруживать и формулировать общие закономерности среди неупорядоченной и многоликой эмпирики – вот что было главной целью. А дальше началось выдергивание из этого учебника различных тем под прикрытием того, что это чрезмерно сложно для понимания и усвоения советскими школьниками. Моя сестра на три года меня моложе. И бинома Ньютона школьники ее поколения уже не изучали. То есть как раскрыть $(a + b)^2$ им объясняли, но как решить $(a + b)^n$ – нет. Методика формирования обобщений убиралась, а количество частных случаев, напротив, наращивалось. Независимо от того, кем станет школьник в будущем – музыкантом или математиком, для него это крупная интеллектуальная потеря. А вспомните трилогию Толстого «Детство», «Отрочество», «Юность». Николенька, когда поступал в университет, что он сдавал на экзамене? Как раз бином Ньютона. Понимаете? В дореволюционной школе, в середине девятнадцатого века, эта узловая тема была, а в советской, в последней трети века двадцатого, ее сочли чем-то чрезмерным! И это касается очень многих вещей в средней школе. Из нее стали постепенно убираться методики, рассчитанные на воспитание логики и развитие мыслительных способностей. Зато усилился элемент, связанный с запоминанием, причем, знаете, таким чисто механическим, бездумным запоминанием. Поэтому вся реформа среднего образования, как я думаю, опирается на ложные основания и вообще движется не туда, заявленные цели все больше расходятся с конечным результатом.

Дело не в том даже, в каких условиях получает образование ребенок, на интерактивной доске он пишет «2 + 2» или просто мелком. Вспомните картину русского художника-передвижника, называется «Трудная задача». Крестьянские дети в сельской школе – заметьте, в земской сельской школе, не в Царскосельском лицее! На доске написан пример: надо найти сумму фрагмента какой-то арифметической или геометрической прогрессии, если мне память не изменяет. Сейчас предложите такую задачу студентам технического университета, полагаю, что в некоторых вузах едва ли не более двух третей обучающихся ее не решит. Не потому, что они стали хуже или они интеллектуально слабее – подлинной культуры мышления нет, не развита она, и все! То есть утрачено, забыто главное: **образование – это не сумма знаний и не услуга, которую потребитель волен получить либо волен отвергнуть**, как думают иные реформаторы. **Образование – это культура мышления, умение самостоятельно мыслить, это, если хотите, прививка от варварства**, знак принадлежности к обществу, в котором распространены и культивируются не только определенные стандарты поведения, но и образ мыслей, что обеспечивает такому обществу и необходимую меру согласия его членов – для стабильности, и способы разрешения спорных ситуаций.

Людмила Алексеевна Каменщикова. Я так понимаю, говоря о культуре, усло-

виях, мышлении, сходятся все к *обученности*. И если мы договорились говорить об обученности, давайте не будем говорить ни о социализации, ни об условиях – будем говорить о том, чему научила школа. И, знаете, мы сейчас, как страна, просто великолепны, мы в первой десятке по той же PISA – Programme for International Student Assessment, международный мониторинг 43 стран, который проводится каждые три года по трем направлениям: чтение, естественно-научный блок и математика.

На самом деле речь идет о понимании: чтение как инструмент работы человека с информацией. Так вот, нам просто цены нет, когда речь идет о таких качествах, как полнота и прочность знаний. И когда мы говорим, что у нас было лучшее образование, мы оцениваем его по очень ограниченному количеству наших ученых, которые работают сейчас за рубежом. Это студенты НГУ, которые изначально в физматшколе были собраны со всего региона, специально подготовлены. То есть мы должны понимать, что образование, по большому счету, – никакая это не обученность, оно вообще имеет много определений – до 90. Луначарский сказал: «Образование – это создание человеком образа самого себя с помощью тех процессов, которые нас окружают».

Когда в 2001 г. правительственный документ – Концепция модернизации образования до 2010 г. – сформулировала, чем надо заниматься, она очень жестко в образовательной политике показала основные мировые тенденции. Быстрое изменение – значит, нужен человек выбора; межкультурное пространство – нужны люди толерантные и коммуникативные; глобальные процессы идут – нужно современное мышление; рынок труда изменился – нужны гибкие мобильные люди. Почему школа не следует ей в своей работе? Потому что она всегда оценивалась по очень простой системе: сколько поступило в вузы, сколько красных дипломов, сколько медалей. Мы творчество ставим сейчас как один из приоритетов, но критерии-то не изменились! Учителя-то все равно оценят по ЕГЭ.

Модернизация для нас – это ответ образования на вызовы времени. Это не значит, что мы должны знать меньше, вы правы, но нужно уметь инструмент в руках держать, нужно уметь ориентироваться. Ученика делать субъектом, делать активным, делать носителем поиска информации. Кто будет этому обучать? Педагогический вуз, который я сама окончила, – это вуз, который рассчитан целиком на полноту и прочность знаний.

Сегодня государство почему ЕГЭ поставило? Очень просто: потому что первый стандарт – это минимум содержания образования. Результат какой? Знаниевая компонента: ЕГЭ – это инструмент, которым можно элементарно проверить знания. Такая задача была до 2004 года. На сегодняшний день понятие качества образования нужно просто разделить. Есть критерии качества образования с точки зрения государства, очень формальные. И есть запрос общества, запрос родителей – это другое.

О.А. Донских. Вопрос о том, что идет из министерства – это отдельная тема и очень непростая. Может быть, там по замыслу и заложены какие-то хорошие вещи, но… Я приведу один пример. У нас есть так называемые стандарты третьего поколения. Возьмем общекультурную составляющую. Она должна, насколько я понимаю, совпадать у студентов всех дисциплин и специальностей. Но в реальности у разных дисциплин, даже близких согласно министерской мысли, разное количество обще-

культурных составляющих, от 15 до 23. Извините, считать это серьезным документом я не могу. Многие документы министерства составлены очень лукаво. Везде говорится, что реформа должна идти «с сохранением того лучшего, что есть в нашей отечественной системе образования». Но ни в одном документе я не нашел формулировок, где бы это лучшее описывалось. Но если мы хотим проводить реформу осмысленную, мы должны зафиксировать состояние, в котором образование находится.

Можно сколько угодно говорить, что ЕГЭ дает объективную оценку, но когда я вижу, что начинают натаскивать на два предмета, а все остальные побоку, здесь вопрос возникает: к чему ведет ЕГЭ? Декларации хороши, но мы-то работаем с реальными людьми, с реальными знаниями. А они таковы, что сейчас ни одной рекламы нет без ошибок в русском языке. Мало того, сама способность рассуждать, формулировать какие-то вещи утрачена сейчас даже на уровне аспирантуры, куда все-таки относительно неплохие студенты отбираются. Я совершенно согласен с тезисом, что, поскольку в вуз идут 80 % выпускников, то средний уровень ниже, чем был много лет назад. Но в аспирантуру отбор идет достаточно серьезный.

К.М. Курдюмова. Вы затронули очень важную тему. Недоверие вузов к средней школе сейчас достигает такого уровня, что это уже отражается в стандартах. В стандартах художественных вузов появился предмет «русский язык и культура речи». Не для иностранцев, для своих. Теперь нам надо тратить время, чтобы решать школьные задачи в вузе. Это закон обязывает, понимаете?

Л.А. Каменщикова. Речь идет о русском языке и *культуре речи*, а не об обучении написанию.

К.М. Курдюмова. Не обольщайтесь, в государственных стандартах третьего поколения речь идет об элементарных вещах, точнее об исправлении ситуации с безграмотностью, де факто распространенной среди вузовской молодежи, к сожалению. Есть рабочие учебные планы, в них обозначены информационные рамки упомянутой дисциплины, и ограниченность этих рамок внушает ужас.

Еще несколько проблем нестыковки средней школы и высшего образования. Допустим, приходит первокурсник на микробиологию в медицинском университете. Ему говорят: забудьте все, что вы читали в школьных учебниках по биологии. Приходят такие же первокурсники на лекцию по физике, или по экономике, или по многим другим дисциплинам, скажем, в НГУ. Им говорят: выбросьте из головы все, чему вас учили в школе, мы и только мы объясним вам, что есть истина. Но тогда получается, что средняя школа дает какие-то ненастоящие знания. И эта несогласованность школьных и вузовских учебных программ коренится в пренебрежении фундаментальными понятиями в учебных программах средней школы. Поэтому и преемственности между начальным и конечным уровнем осознания проблематики что естественно-научного, что гуманитарного знания не возникает.

Несколько замечаний по стандартам. Я сам участвовал в разработке стандартов третьего поколения. И должен сказать, что главная трудность была не в том, чтобы описать в них, как профессионалы понимают процесс обучения искусству, а бесконечные согласования с Минобрнауки. В частности, в России существует весьма внушительное количество организаций, которые нормируют трудовые процессы и процессы

обучения по санитарно-гигиеническим и прочим параметрам. Есть, например, Роспотребнадзор, и согласно его нормативам сидеть за партой больше, чем столько-то часов, нельзя. Но если, к примеру, просто сложить время, отводимое в стандарте по исполнительским специальностям в области музыкального искусства для самостоятельных занятий студента на инструменте, получается около часа в день, а то и меньше. При таких трудозатратах человек *никогда* не научится профессионально исполнять музыку. На самом деле он сидит за инструментом по четыре-пять часов в день. Значит, в тексте стандартов разработчики вынуждены эти часы, реально необходимые для самостоятельной работы, маскировать под какие-то другие дисциплины, потому что иначе «свести» нормированное количество кредитов, отводимых на специальность, с насущной потребностью в самостоятельных занятиях совершенно невозможно!

Теперь о ЕГЭ. ЕГЭ как независимая процедура оценки знаний – вещь хорошая и очень отрезвляющая. Но если ЕГЭ заменяет вступительный экзамен в вуз – это беда. А сейчас благодаря абсолютизации результатов ЕГЭ в стране реально созданы условия не только для коррупции, но и для деления вузов на «настоящие» и «по результатам ЕГЭ». В этом году по всей России всего лишь 11 университетов благодаря своему исключительному статусу и художественные вузы благодаря специфике специальностей получили право проводить собственные дополнительные вступительные испытания. А остальные вузы уже не отбирали себе абитуриентов. Это абитуриент теперь выбирает, какой вуз к нему лояльнее и толерантнее. Я убежден, что не надо ста процентам граждан, получивших положительные баллы по ЕГЭ, давать высшее образование. Вузы должны компетентно, самостоятельно и свободно отобрать столько, сколько нужно для потребностей государства, для бизнеса, для науки и искусства. Избыточная часть получающих высшее образование – это форма скрытого социального иждивенчества, воспитывающая у части молодежи соответствующие жизненные убеждения. И рано или поздно общество вынуждено начинать борьбу с этой социальной прослойкой теми или иными методами.

В.В. Глинский. Сразу скажу, я немножко раньше учился. И учили меня выдающиеся математики в физматшколе. Самые ругательные слова, которые они произносили, относились к методике Колмогорова. Поэтому у всех нас субъективные оценки, а должны быть какие-то объективные параметры.

Второй момент. Оценивают школы себя по проценту поступающих в вузы – ради Бога. На самом-то деле все решают домохозяйства. Народ решил получать высшее образование. Причем он не требует знаний. Выросла в три раза численность студентов, но процент идущих за знаниями остался тот же. Ну да, мы, может быть, толерантно поступаем к домохозяйствам. Президент говорит, что нам нужны инженеры. Кому «нам»? Вузы, вообще говоря, выполняют заказ населения. А населению нужны экономисты, юристы. Да, есть международные рейтинги, которые показывают, что мы снизились. Но какая альтернатива сейчас? Вы знаете, что в пианисты не все идут. А во все остальные вузы идут, и 80 % нам мало. Мы берем. Кому-то нужен только диплом – пожалуйста. А кого-то можно учить.

Нина Ильинична Макарова. Я не соглашусь с тем, что всех нужно учить. Я счи-

таю, что в вузы должен быть отбор. Иначе то образование, которое мы в вузах даем, не соответствует тому, что в дипломе написано. Элементарному стандарту не соответствует. У выпускников школ, которые приходят в вуз, может быть, потому что они приходят без отбора, действительно уровень подготовки ниже, чем он был лет 20 назад. С другой стороны, я убедилась в том, что когда даешь творческие задания, ребята очень хорошо на это реагируют. То есть творческий потенциал у них есть, они в этом плане не испорчены.

Но мне кажется, мы ничего не добьемся, если у нас, как Вы сказали словами Луначарского, не будет образа в голове. Всегда в любом нормальном обществе есть какой-то образ человека знающего. Он может знать не очень много, но он будет твердо знать какие-то вещи, которые нужно знать в данном сообществе. А у нас сейчас образа человека интеллигентного, знающего, на которого можно было бы равняться, нет.

Сергей Петрович Исаков. Я совершенно согласен с тем, что у нас избыточное количество вузов и соответственно студентов. Мало того, что это снижает средний уровень студента, это поневоле снижает и средний уровень преподавателя. В условиях всеобщей доступности высшего образования меняется его значение для учеников и учителей, меняются их цели и стимулы. На пять действительно способных и настроенных на учебу студентов приходится 95 тех, для которых учеба лишь обуза и тягостная необходимость. Те же проблемы и с преподавателями. Из-за этого даже те студенты и школьники, которые могли бы воспринять предлагаемые знания, не встречают хорошего учителя, способного увлечь ученика. При отсутствии творческого взаимодействия между учителем и учеником и между учениками стремление к знаниям подавляется, замещается другими интересами и мотивами. Денежными, статусными, стремлением к удовольствиям и т. п. Раз наше общество не то чтобы враждебно – скорее равнодушно относится к «бесполезным» знаниям и стремлениям, почему же мы ожидаем другого отношения от студентов? Именно в этом я вижу причину снижения качества образования, особенно в гуманитарной сфере.

Наталья Леонидовна Чубыкина. По большому счету смысл образования в том, что оно передает культуру из поколения в поколение. И образование производит эту трансляцию наиболее технологичным способом. Кроме того, процесс обучения помогает человеку в социальной адаптации. И в зависимости от того, какие задачи общество считает для себя приоритетными, оно нагружает образование тем или иным содержанием. Вот сейчас кольнуло, что только отдельные наши граждане могут быть эффективными менеджерами, а желательно – чтобы все. Объявляем модернизацию всего, в том числе образования, а оно упирается, потому что, как было замечено, инерционно. При этом забывают, что все же его основная функция – трансляция культуры.

В Советском Союзе кроме идеологии людей объединяла общая школьная программа, относительно общие правила в образовании. А сейчас российское пространство распадается, и вместо объединяющей культуры образование предлагает детям быть творческими и конкурентоспособными. Я говорю не о том, как это принимает само население, здесь нужны исследования, а только о том, куда нас ведут приоритеты, перечисленные Людмилой Алексеевной. А культура – вещь очень консервативная:

она не поддается быстрой модернизации. Получается ералаш. Нет образа, нет ясной цели, но на выходе ожидаем получить что-то хорошее и, главное, современное.

Ну вот, участвуете вы в конкурсе PISA. Как они оценивают: вот это творческий подход, а это не творческий? Мало того, что это очень неоднозначные оценки; на мой взгляд, они и основаны на других культурных традициях. И мы с этими подходами идем в наше образование – о, у нас не так, у нас школьники нетворческие, некреативные! Что, культуру поменяем? Для чего?

И мы действительно не можем оценить, какие подходы у нас лучше работают, наши прежние или новые. Прошлое может идеализироваться, зато результаты настоящего мы оценить не можем. Я училась несколько раньше Константина Михайловича. Точно знаю, что, обучаясь по тому же учебнику Колмогорова, не учили мы бинома Ньютона. Учительница сказала, что нам это на экзаменах не понадобится, кому интересно – прочтут сами. Это была стандартная провинциальная школа, где биология котировалась чуть выше пения, главными предметами были русский и математика, как и сейчас, и о гармоничном развитии личности говорили на торжественных собраниях. Школа выполняла свои функции: держала хулиганов взаперти и транслировала культуру, какая была и которая позволяла обществу быть относительно единым. Сейчас она с этим справляется, на мой взгляд, несколько хуже, так что хотелось бы вернуться назад.

Лев Леонидович Штуден. Когда речь идет о критериях, давайте посмотрим, что мы получаем на выходе. Должен ли, например, выпускник средней школы знать, что Египет находится не в Европе? А если он этого не знает, то можно ли его назвать образованным человеком? Второй вопрос: должен ли выпускник школы знать названия планет солнечной системы? А как вам студент, уверенный, что Русь крестил святой Валентин? С этими вот удивительными людьми на I курсе нархоза и в педуниверситете я сталкиваюсь постоянно. Можно после этого говорить о каких-то достижениях нашего школьного образования?

Я на 100 % согласен с Константином Михайловичем: основная цель образования – научить человека думать. Хорошо. Я получаю на руки кандидатскую диссертацию по роду своей службы в ученом совете. Я вижу, что не только там нет ничего самостоятельного, не только мысли нет никакой, но даже переписать что-то откуда-то с толком этот человек не в состоянии. Можно ли этого вполне уже взрослого индивида назвать культурным человеком? Ни в коем случае. Между тем фундамент школьного образования, если он действительно заложен, дает очень-очень многое. Вот я застал старушек, которые оканчивали дореволюционную гимназию. Все эти старушки были на симфонических концертах! Я их в лицо знал всех.

Н.П. Юсупова. Это было образование для избранных. Какой процент населения там учился? Совсем небольшой.

Л.Л. Штуден. Извините, гимназия для избранных? Большой процент в них учился, это же не институт благородных девиц.

Вот с Натальей Леонидовной я тоже согласен полностью в чем: культура – это не то, что должно быть рядом с модернизацией. Культура – это корневая система, система-органика, понимаете? С органикой нельзя экспериментировать. К сожалению, когда я знакомлюсь с людьми, окончившими школу, вуз и пишущими диссертации, 99 % из них не говорят, а просто кричат:

нас обокрали, нас недоучили. И очень редкий случай, когда кто-нибудь начинает заниматься самообразованием. Вот те, кто это делает, они действительно что-то знают. А что касается английского языка – господа, смешно нам гордиться достижениями в этой области. Потому что те, кто усердно учат английский язык, мы прекрасно знаем, для чего они это делают.

Н.И. Ваганова. Когда я говорила о качестве образования, я упомянула об условиях. Условия не значат красивый фасад, пластиковые окна, чрезмерное количество любой техники. Значимая роль в школе – это учитель. И сейчас в некоторых школах есть большое количество учителей пенсионного возраста. Они сохраняют многие традиции советской школы, но к ней мы уже не вернемся. Общество идет вперед и школа пойдет вперед. Но старые учителя уходят, а новых таких нет.

О.А. Донских. У нас есть традиция: каждому дается слово для короткого заключения. Нетрадиционно начну с себя. Есть у меня один критерий, внутренний, по которому наше образование не работает совсем. Это отсутствие чувства непонимания. Человек, когда он начинает заниматься какой-то проблемой, неизбежно чего-то не понимает, чего-то не улавливает. Он начинает исследовать. Что я наблюдаю вместо этого? Какой бы вопрос я ни задавал, вместо того чтобы вдуматься и понять вопрос, тут же мне начинают отвечать. Чисто ассоциативно, идет какой-то словесный поток. Человек даже не пытается ничего уточнить. То есть господствует чисто ассоциативное мышление, а это очень опасно. Этот критерий неформализуем, но это то, что ощущается сразу в общении, потому что человек, который это умеет и который не умеет, – это разные люди.

Л.А. Каменщикова. Вот вы сказали «ассоциативное мышление», я подумала: клиповое. Потому что среда жизненная такая. И диссертации так пишутся. Вы говорите: не может переписать. Нет, он неудачно вытащил из компьютера мысль чужую, он даже не читает. Мне кажется, что вопрос о качестве образования – это бесконечный вопрос. Сколько люди будут жить, столько будут это обсуждать, но я не согласна с Вами, Наталья Леонидовна. Назад, в прекрасное прошлое… Я понимаю, что это метафора.

Н.П. Юсупова. Если мы хотим получить действительно профессионалов, мы должны предъявлять высокие требования к общему образованию. Но еще более жесткие требования должны предъявляться к высшему образованию. И с учетом того, что в вузы у нас поступает 90 % выпускников и мы их всех принимаем и пытаемся выпустить, проучив пять лет, потому что это платно и вузы в этом заинтересованы, надо смотреть, как поменять систему подготовки специалистов в вузах. И обратить внимание на опыт других стран, где принимают всех желающих без экзаменов, но после первого семестра отчисляют всех тех, кто не способен продвигаться дальше.

Н.И. Ваганова. Я думаю, что о качестве будут спорить всегда, особенно разные поколения. В настоящий момент мне очень хочется, чтобы в наших общеобразовательных учреждениях в первую очередь работали настоящие учителя. Учителя, заинтересованные в том результате, в котором заинтересовано все общество. И чтобы общество повернулось к учителю, это очень значимая фигура. Тогда будет результат.

К.М. Курленя. Может ли спрос и предложение быть регулятором образовательных технологий и их качества? Конечно,

может. Только это самый варварский способ регулирования. В Вене времен Бетховена обучать игре на музыкальном инструменте и умению что-то сочинять мог любой ремесленник, но только Сальери мог выучить Бетховена. Это было единственное стоящее молодого гения образование, причем, как утверждают биографы, образование бескорыстное и одновременно бесценное. Если мы будем уповать, что рынок все расставит на свои места, это будет означать только одно: мы расписываемся в своем бессилии. Я бы этого не хотел.

В.В. Глинский. Мы это сделали уже, за 20 лет многое изменилось, и наука и образование больше не являются привлекательными отраслями. Более того, если раньше наука была престижней, чем образование, сейчас наоборот, и наука в России должна сказать спасибо образованию, что хотя бы физически сохранилась. Но, в принципе, ничего необъяснимого не происходит. Есть закон жизни: если у тебя есть проблемы, значит ты живешь. К сожалению, у нас их больше, чем хотелось бы.

Да, школьники плохие, студенты плохие. Но чтобы помочь им написать диссертации и все остальное, может быть, пора пересмотреть отношение к себе как к профессору? Переоценить себя. Может быть, время начинает двигаться скачкообразно, а мы пытаемся сохраниться такими, какие мы есть?

Н.И. Макарова. Ну, а я хочу воспользоваться присутствием представителей администрации и такое пожелание высказать: нельзя ли в Новосибирской области запретить все конторы, которые производят шпаргалки и пишут работы для студентов? Сколько можно, это же развращение людей! Мы можем сказать, что это рынок, который требует, и так далее. Но знаете, когда входишь на сайты через русский Google, первым делом сыплется: рефераты, рефераты. Входишь в английский – там их нет.

Л.Л. Штуден. Действительно, как хорошо было бы: всех первокурсников принимать без экзаменов! А потом отсеять 80 % и с оставшимися спокойно заниматься. Но я не могу поставить двойку: коммерциализация образования! Деканат тут же на дыбы, мама с папой и все такое… И говорят: а что ж Вы делаете, он же нас кормит, он же денежку платит. Из этой денежки, между прочим, Вам зарплату начисляют!

Н.П. Юсупова. Плохо учится – все равно три. В школе три, потому что надо выпустить. А в вузе три, потому что он нас кормит.

В.В. Глинский. Предлагаю провести чистый эксперимент: взять 10 профессоров, посадить рядом 10 студентов и задать тему совершенно постороннюю, которой ни профессор, ни студент не занимались. Чтобы условия были равные. А потом посмотреть качество работы. Кто пойдет на это?

О.А. Донских. Я считаю, что обсуждение было очень важным. Очень хорошо, что у нас были представители нашего министерства. Часто проблемы возникают потому, что люди привыкают говорить на немного разных языках, и очень полезно, когда люди собираются вот в таком формате.

Понятно, что образование – часть системы, называемой обществом. Не может быть так, что все общество плохое, а вот образование хорошее. Здесь есть, конечно, объективные вещи, но при этом есть и очень серьезный субъективный момент. Я бы так его сформулировал. Если мы хотим провести образовательную реформу, значит в том, что реформа нужна, нужно убедить тех, кто ее будет реализовывать.

В первую очередь, преподавателей. Нельзя сначала разрушить, а потом думать, можно ли сделать лучше. В этом смысле мы все в одной лодке: и администрация, и преподаватели. А то, что мы должны и с себя начинать, я согласен.

Я еще раз всех благодарю за участие. Спасибо.

По традиции вопросы круглого стола были предложены заочным участникам обсуждения. Ниже публикуются присланные ими ответы.

Георгий Александрович Антипов

Прежде чем начинать разговор о качестве образования, падении или подъеме его уровня, нужно решить вопрос, есть ли вообще возможность судить о качестве образования более или менее определенно. Что здесь может послужить индикатором и мерой? Во время оно существовала байка, что якобы американцы обратили внимание на низкое качество своего образования после запуска у нас человека в космос. Представление о перспективах достижения успеха в соревновании двух тогдашних систем в зависимости от того, удастся ли Америке создать лучшую, чем в России, систему образования, действительно высказывалось. Америка-таки победила. Но благодаря ли качеству своего образования? Ровно веком ранее Бисмарк говорил: в битве при Садовой победил прусский народный учитель. Наш же А. Зиновьев, по примеру железного канцлера, победу в Отечественной войне приписывал советскому десятикласснику. Можно ли все перечисленные случаи воспринимать как качественные оценки состояния нашего образования? В какой-то степени, да. Как говорится, в этом что-то есть. Ясно, однако, что можно приводить вполне убедительные контраргументы. Например, Стив Джобс существенно изменил наш мир, но «академиев», как известно, вовсе не оканчивал.

Так происходит со всеми оценками, даваемыми с позиций обыденного сознания здравого смысла. Поэтому, и это первый вывод, полагаться следует на результаты специального исследования качества образования. Причем следует для начала различить два возможных подхода: судить о качестве образования по характеристикам обученного человека и, с другой стороны, рассматривать саму систему образования. Лишь в первом подходе мы можем получить более или менее вразумительные оценки качества образования. Они будут связаны с констатацией соответствия (или отсутствия такового) между возможностями обученного, образованного человека и предъявляемыми обществом требованиями. При этом нужно согласиться с известным американским антропологом Дональдом Кэмпбеллом, специально исследовавшим методологические проблемы качественных оценок в сфере социального поведения, что количественные (формальные) подходы к оценкам «социального действия» должны рассматриваться как «взаимно дополняющие средства перекрестной валидизации». А вот задавались ли подобными вопросами творцы нашей современной реформы образования, мне не ясно.

Лев Николаевич Ердаков

Соответствует ли реальной действительности общее впечатление падения уровня и качества образования?

Трудно оценить как реальную действительность, так и общее впечатление. Реально продолжается прогресс общества и накопление знаний, идет оно и за счет новообразованных его членов. Разобраться, что дало собственно образование, а что талант-

ливость и гениальность новых поколений, вряд ли возможно. Бессмысленность ориентации на то, что «раньше все было лучше», доказал текст самого старого писания, кажется, еще на глиняной дощечке. Думаю, что на первый вопрос можно ответить твердым «не соответствует».

Возможна ли формальная оценка качества образования?

Формальная оценка качества образования вполне возможна, но не образования вообще, а профпригодности при том или ином уровне образованности. Правда, здесь есть два критерия: количество накопленных знаний (объем памяти) и способность использования этого багажа и на основе его и собственных размышлений рождать новое знание. Вопрос мною не изучался, но думаю, что соответствующая система тестирования наверняка существует. Во всяком случае, простые тесты по предмету, его знанию и способности применения такового разработаны во множестве и используются для экзаменационных оценок по различным предметам.

Можно ли говорить о качестве образования вообще или необходимо рассматривать отдельные сферы и направления?

Для того чтобы говорить об «образовании вообще», нужно определить, что это такое. При общении с человеком мы интуитивно оцениваем уровень его образованности по тому, что от него слышим. Если же мы желаем большей объективности, то нужно специальное изучение, и тут, конечно, произойдет распад на сферы и направления. Мы обнаружим, что математики очень «усечены», философы – «разговорчивы», у кого-то есть интуиция и нет ума, и т. д. Но все это не имеет отношения к качеству полученного ими образования.

Отличаются ли критерии оценки качества образования применительно к общему и профессиональному образованию, естественно-научному, гуманитарному и инженерному образованию?

На мой взгляд, эти оценки должны отличаться, как университетское образование отличалось раньше от институтского. Университет давал общее образование, хотя и окрашенное специальностью. Получался очень образованный дилетант. Институт специализировал, давал большую информацию по специальным вопросам. Получался высококлассный специалист, но практически необразованный человек. Так что образованность и специализация, по-видимому, не одно и тоже. Стало быть, и критерии оценки качества образования должны различаться, мерить-то мы собираемся разные характеристики.

Ирина Вигеновна Мелик-Гайказян

Если попытаться ответить на основной вопрос КС о направлении движения, то я бы сказала, что мы движемся *к точности*. Поясню, что я под этим понимаю. Стало общим местом заменять слова «направление» и «тенденции» словом «вектор». Однако вектор характеризуется не только направлением, но и величиной. А это в контексте образования фиксирует две проблемы – проблему постановки цели и проблему измерения. Обе проблемы объединяют грустные обстоятельства: они ускользают и от внимания организаторов и теоретиков образования, и от внимания методологов. Приведу пример, прямо скажем, легкомысленного отношения к постановке своей цели в практике университетов.

В нашем регионе есть заслуженно уважаемый технический университет. Некоторое время назад формулировка его миссии приводилась мной в качестве иллюстрации отсутствия обязательств, которые вуз берет

на себя перед абитуриентами, в сравнении с обозначением своей цели одним техническим университетом Франции. Во французском варианте основная цель образования выражена так: *мы готовим специалистов, которые станут лидерами в любой избранной ими профессиональной сфере*. Легко заметить четкость сформулированного обещания в его непосредственной обращенности к человеку. К человеку, а не к стране или ко всему миру. И если человек не чувствует в себе склонность к перфекционизму в упорном своем продвижении в конкурентной среде, то он не выбирает этот вуз. Четкая фиксация цели позволяет диагностировать меру ответственности вуза за избираемые им средства подготовки, диагностировать эффективность образования и его качество. И самое главное в связи с темой нашего обсуждения: осуществлять выбор критериев качества образования.

Отечественный университет видел свою миссию так: *нести в мир знания и опыт, позволяющие личности и обществу видеть и использовать лучшие образцы подготовки специалистов и эффективной реализации нововведений в сфере науки и высшего образования*. Обратим внимание на то, что абитуриенту здесь ничего не обещают. При этом вуз делает ставку на ретрансляцию «знания и опыта», то есть на прошлое и настоящее, но никак не на будущее. Любопытно, что в последние годы этот университет свою миссию переформулировал: *повышать конкурентоспособность страны, обеспечивая за счет интернационализации и интеграции исследований, образования и практики подготовку инженерной элиты, генерацию новых знаний, инновационных идей и создание ресурсоэффективных технологий*. Теперь просматривается обещание, обращенное к личности абитуриента и студента: приобщить их к «инженерной элите». Но этот вуз осуществляет подготовку и не по инженерным специальностям, по которым качество подготовки в этой формулировке миссии оценить будет невозможно. Или, что одно и то же, оценивать можно как угодно. А в условиях тотальной диверсификации образования, соответствующей и дифференциации ролей человека в социальной действительности, и семантической дифференциации профессионализма в конкретных областях, говорить о качестве образования «вообще» бессмысленно. Лучшим аргументом для этого утверждения могут стать выводы, сформулированные в 1930 году Х. Ортега-и-Гассетом в эссе «Миссия университета»: «Университет не должен допускать в своих действиях никакого обмана, т. е. он должен спрашивать со студента только то, что от него действительно можно требовать. Следовательно, университет не должен позволять среднему студенту напрасно тратить часть своего времени, воображая, что он станет ученым. Для этого научное исследование как таковое следует исключить из ядра или минимума университетской структуры. Культурные дисциплины и профессиональные занятия должны носить педагогически рационализированную форму …, а не ту, которую предпочла бы сама наука: узкоспециальные проблемы, “клочки” науки, исследовательские опыты».

Иными словами, 80 лет назад университет призван был вести подготовку широко образованного человека, образованного «вообще». Современная действительность вносит существенные коррективы в содержание этой подготовки, оставляя в неизменной актуальности одно – «не допускать в своих действиях никакого обмана». Добросовестное заблуждение или невольный обман может стать следствием отсутствия

продуманности в формулировке цели конкретного университета.

Итак, качество образования можно оценивать только по степени соответствия содержания и способов обучения (и воспитания) тому, что обещано и выражено в конкретности основной цели.

Генезисом второй проблемы становится отсутствие адекватных процедур измерения в гуманитарных исследованиях. Широко распространено убеждение, что сама процедура измерения есть сравнение исследуемого объекта с эталоном и выражение результатов данного сравнения в количественных величинах. В практике измерения качества образования некоторые количественные оценки присутствуют – баллы, проценты, оценки вероятности и статистические данные. Однако с этими количественными оценками чаще всего нельзя обращаться как с числами. Например, нам всем ясно, что учащийся, чьи знания измерили и выразили в оценке «4», знает не в два раза лучше, чем его собрат, получивший оценку «2». Вместе с тем в науке под измерением понимается *любое однозначное преобразование измеряемой величины в некоторый регистрируемый параметр, в то время как измеряемая величина является внутренним параметром порядка исследуемой системы.* Это понимание процедуры измерения может показаться более сложным. Однако в такой формулировке содержится шанс для осуществления данных процедур в гуманитарных исследованиях.

Во-первых, начало процедуры измерения состоит в определении параметров порядка системно организованной действительности, например, образования. Во-вторых, опыт определения параметров порядка накоплен в той области фундаментальных исследований, которую у нас принято называть синергетикой. В качестве иллюстрации этого выступают бифуркации, демонстрирующие собой поведение системы в зависимости от значений параметров порядка.

Владимир Алексеевич Томсинов

Часто высказываемое мнение о падении качества образования в нашей стране, к сожалению, отражает реальную картину. Уровень подготовки молодых людей, поступающих в высшие учебные заведения, понизился настолько, что этого не может заметить только слепой и глухой преподаватель. С другой стороны, явно упало и качество преподавания наук в наших вузах.

Все это является закономерным следствием деградации российского общества и государства, продолжающейся уже два десятилетия. Экономика, правовая и политическая система современной России подчинены низменным, эгоистическим целям узкой группы людей, стремящихся любыми способами, даже ценой разрушения общества, сохранить за собой государственную власть и контроль за основными материальными ресурсами страны. По этой причине в России нет спроса на образованных, талантливых людей, профессионалов в той или иной сфере деятельности. Результатом такого положения стало катастрофическое падение престижа образованности в современной России. Поэтому все вузы и крупнейшие университеты страны во многом перестали быть образовательными учреждениями, но превратились в значительной мере в особого рода клубы, в которых молодые люди просто проводят время или спасаются от армии. Учеба стала чисто формальным процессом, как правило, не требующим от учащегося сколько-нибудь серьезного приложения сил.

Введение оценки знаний посредством ЕГЭ только укрепило эту плачевную тенденцию. Распространение этого нововведения на вузы окончательно разрушит всю систему подготовки в них. Она предполагает развитие ума, способности к самостоятельному мышлению, между тем как ЕГЭ предполагает проверку лишь знания отрывочных сведений.

Вместе с тем надо признать, что и экзамен в вузе в значительной мере перестал быть объективным способом оценки уровня подготовки студентов. Поскольку знания не имеют в современной России какого-либо значения для карьеры, то цель учебы сводится у большинства студентов исключительно к получению положительных оценок и соответственно диплома об окончании вуза. И для достижения этой цели используются любые, в том числе самые мерзкие приемы. Многие студенты с помощью своих родителей и родственников развозрачивают настоящую войну за оценки. На преподавателей оказывается давление в самых различных формах с целью добиться от них выставления нужных оценок. В этих условиях бессмысленным является разговор о критериях оценки знаний студента. Прежде чем говорить об этом, необходимо навести элементарный порядок в сфере поступления на учебу и приема экзаменов. Но такой порядок не наведешь до тех пор, пока общество будет пребывать в том состоянии, в котором оно сейчас пребывает. Если это состояние характеризовать кратко, то надо сказать: *наше общество переживает самую грандиозную катастрофу во всей своей истории* – катастрофу, охватившую государственность, правосознание, соционормативную культуру, человеческую личность. Распад системы образования, который уже стал общепризнанным фактом, лишь одно из проявлений этой катастрофы.